

Садясь в машину, чтобы ехать домой, Цинь Цзуй на мгновение замешкался у дверцы.

Цзян Чу сначала не обратил на это внимания. Он решил, что это само собой разумеется: Цинь Цзуй сядет сзади, чтобы составить компанию своему внезапно нагрянувшему приятелю.

Но тут он случайно поймал в зеркале заднего вида взгляд Лян Сяоцзя, уставившегося в окно, и только тогда заметил, что Цинь Цзуй не торопится садиться в салон.

У Цзян Чу вдруг возникло странное, необъяснимое чувство.

Сложно было сказать, что именно его смутило. Просто обычно парни ведут себя куда проще, особенно если они близкие друзья. Им наплевать, кто с кем сидит.

Они не станут переживать из-за того, что давно не виделись, или высчитывать, достаточно ли бурно выражают радость при встрече.

И уж тем более никто не будет делать драму из того, сидят они в машине плечом к плечу или нет.

Он невольно бросил еще один взгляд на Лян Сяоцзя в зеркало.

Этот парень, Сяоцзя, в чем-то походил на Цинь Цзую: в нем чувствовалась не по годам взрослая сдержанность, словно к его душе привязали пудовую гирию.

Но было и отличие. Если Цинь Цзуй просто держал всё в себе, то Сяоцзя, несмотря на безупречный контроль над лицом и эмоциями, явно был парнем скрытным и себе на уме — это бросалось в глаза.

Взять хотя бы его жест в гостинице: когда Цзян Чу предложил на выбор отель или поездку к им домой, Сяоцзя первым же делом аккуратно опустил свою сумку на кровать.

Или вот этот его теперешний взгляд.

Слишком уж очевидным был расчет.

Подобный склад характера нельзя назвать пороком, но Цзян Чу такие люди никогда не нравились.

А уж мысль о том, что между Сяоцзя и Цинь Цзуюем может быть та самая связь, и вовсе вызвала у него глухое, необъяснимое раздражение.

Пока он размышлял, дверь переднего сиденья распахнулась, и Цинь Цзуй опустился рядом с ним.

Цзян Чу поймал себя на мысли, что ведет себя как базарная сплетница, — ему вдруг до смерти захотелось проверить, не промелькнет ли на лице Лян Сяоцзя разочарование.

Сдержавшись, чтобы не выдать своего любопытства, он больше не косился в зеркало и, даже не взглянув на Цинь Цзую, выжал сцепление и нажал на газ.

Всю дорогу в машине царило молчание.

Цзян Чу вел машину, погруженный в собственные мысли. Он пытался разгадать, что связывает этих двоих, зачем Сяоцзя приехал так внезапно и не послужил ли толчком тот вчерашний ночной звонок.

Тишину нарушал разве что Лян Сяоцзя. Сначала он вежливо поблагодарил Цзян Чу, на что тот лишь отмахнулся с улыбкой:

— Да пустяки, не стоит.

Затем Сяоцзя переключился на Цинь Цзую, заведя разговор об их старых школьных друзьях. Он назвал несколько имен, которые Цзян Чу ни о чем не говорили, так что тот перестал прислушиваться.

Едва переступив порог квартиры, Цзян Чу тут же отправил Цинь Цзую открывать окна и убирать накопившиеся за два дня «подарки» в лотке, а сам бросился включать очиститель воздуха — амбре в комнатах стояло такое, будто там что-то забродило.

Кот Чжоу Тэн начал скрестись в дверь еще до того, как они вошли. Стоило ему увидеть Цинь Цзую, как он, задрав голову, разразился требовательным «мяу-мяу-мяу» и принялся неистово тереться о его лодыжки, напрочь игнорируя стоявшего рядом хозяина.

— Предатель мохнатый, — без злобы усмехнулся Цзян Чу, швырнув сумку на обувницу.

Чжоу Тэн замолк на полуслове, едва завидев вошедшего следом Лян Сяоцзя. Поджав хвост, кот поспешно ретировался вглубь гостиной.

— О, у вас кот, — улыбнулся Сяоцзя.

— А, точно, забыл предупредить, — Цзян Чу достал для гостя гостевые тапочки, сполоснул руки и, вытащив из холодильника пару банок холодного чая, протянул одну Сяоцзя, а вторую открыл сам. — У тебя ведь нет аллергии?

— На кошек? Нет, бог миловал. Я их даже люблю, — Сяоцзя принял жестянку и снова вежливо кивнул: — Спасибо.

Цзян Чу лишь молча улыбнулся в ответ. За сегодняшний день он услышал столько «спасибо», сколько его подчиненные в офисе не произносили за последние полтора года.

Зато Цинь Цзуй, услышав про аллергию, покосился на Цзян Чу, и в уголках его губ промелькнула едва заметная теплая усмешка.

Цзян Чу действительно стал дуть на воду после той внезапной истории с аллергической реакцией у Цинь Цзуя. До этого момента в его окружении просто не было людей с подобными проблемами. Максимум — стажерка Тан Цай из его компании, у которой от резких холодов или сильного ветра иногда высыпала крапивница.

Повстречавшись взглядом с Цинь Цзуем, Цзян Чу как раз сделал глубокий глоток и на автомате протянул ему недопитую бутылку.

Он давно привык доедать за Цинь Цзуем арбузы, курить одни сигареты на двоих и допивать за ним пиво или газировку. Для него в этом не было ничего зазорного — на работе, если лень было идти к кулеру, он спокойно мог отхлебнуть из кружки Да Бэня. Да и свою чашку он частенько без лишних раздумий совал Цинь Цзую.

Но на полпути рука его замерла. Дошло: рядом стоит Лян Сяоцзя.

И не просто какой-то там парень, а мнительный и, возможно, питающий к Цинь Цзую отнюдь не дружеские чувства Сяоцзя.

Цзян Чу сделал вид, будто просто потягивается, и плавно, без лишней спешки вернул руку назад, опустив бутылку на обеденный стол.

Цинь Цзуй уже по привычке потянулся за бутылкой, но, натолкнувшись на уходящую спину Цзян Чу, который поспешно ретировался в спальню, едва заметно прищурился.

— Вы поболтайте пока, а я в душ, — бросил Цзян Чу, не заметив его взгляда. Он выудил из шкафа домашнюю одежду и, брезгливо приняхавшись к собственному воротнику, направился в ванную. — Весь день на ногах, по горам лазил, да и вчера толком не помылся.

— Цзуй-гэ, а в какой комнате ты спишь? — негромко спросил Сяоцзя, оглядываясь по сторонам, как только за дверью ванной зашумела вода.

— Присаживайся пока, — Цинь Цзуй кивнул на диван и приподнял зажатый в руке пакет с мусором, давая понять, что ему нужно выйти.

Сяоцзя остался стоять и тенью последовал за ним в прихожую, вытянув шею, чтобы посмотреть, куда тот понесет мусор.

Выбросив пакет в мусоропровод на лестничной площадке, Цинь Цзуй вернулся и, обнаружив гостя всё у того же порога, решил не заходить в квартиру. Он достал сигарету, прикурил и поманил Сяоцзя за собой, жестом попросив притворить дверь.

— Чего это ты вдруг приехал? Хоть бы предупредил, — спросил Цинь Цзуй.

Сяоцзя молча смотрел на него несколько секунд, его губы задрожали, а глаза мгновенно повлажнили.

— Даже не думай реветь, — нахмурился Цинь Цзуй, сразу поняв, что разговор пойдет о вчерашнем звонке.

Сяоцзя опустил голову, шмыгнув носом и закусил губу.

Цинь Цзуй вздохнул и, щелкнув его по козырьку бейсболки, тихо произнес:

— Сяоцзя, я ведь всё тебе предельно ясно объяснил. Мы можем быть только друзьями. Никакого «шага вперед» не будет. Если тебя это не устраивает, нам придется просто прекратить всякое общение.

Сяоцзя промолчал, но от этого щелчка по козырьку он как-то странно дернулся и испуганно прижал ладонь к затылку, тут же поспешно отдернув ее назад.

Взгляд Цинь Цзуй мгновенно переменялся. Выплюнув сигарету, он шагнул вперед, крепко зафиксировал ладонью шею Сяоцзя, а свободной рукой осторожно стянул с его головы кепку.

На его затылке красовался криво наклепленный кусок марли. Края пластыря давно отклеились и скрутились — то ли от выступившего пота, то ли от дезинфицирующего раствора. Цинь Цзуй стиснул зубы так, что на щеках заходили желваки.

Сяоцзя не сопротивлялся и не пытался вырваться, покорно замерев под его рукой.

Спустя долгую паузу Цинь Цзуй тихо спросил:

— Отец опять за старое взялся?

— Да он только по пьяни... Кожа даже не лопнула, просто ушибся знатно, вот и выглядит страшно, — Сяоцзя осторожно пощупал затылок пальцами. — Опухоль уже спала. Ты же

знаешь мою мать: она любую царапину заливает зеленкой пополам с фуорцином.

— Я просто очень... соскучился, — он попытался улыбнуться Цинь Цзую. — Мне до сих пор непривычно, что в этом семестре мы учимся в разных местах. А тут как раз эти праздники... Вчера поговорили, у меня в голове словно что-то щелкнуло, и я сразу пошел на вокзал за билетом.

Под конец он почти затих. Цинь Цзуй, хмурясь, осторожно приподнял край марли — серьезной раны действительно не было, лишь багровый след на коже.

Однако при виде Сяоцзя с этой шишкой на затылке продолжать жесткий разговор о границах дружбы больше не поворачивался язык.

Как раз в этот момент из квартиры донесся щелчок открываемой двери ванной. Цинь Цзуй поднял окурок, бросил его в мусорный ящик и, отведя взгляд, негромко скомандовал:

— Ладно, пошли в дом.

Выйдя из душа, Цзян Чу не обнаружил парней в гостиной и грешным делом подумал, что они уже заперлись в комнате.

Он уже размышлял, прилично ли будет прислониться ухом к двери, как в прихожей звякнул замок. Цзян Чу, вытирая полотенцем влажные волосы, обернулся: Сяоцзя и Цинь Цзуй заходили в квартиру друг за другом. Гость шел, понутив голову, точь-в-точь как провинившийся школьник, а кончик его носа заметно покраснел.

— Что стряслось? — спросил Цзян Чу и тут же заметил белевшую на затылке Сяоцзя марлевую повязку. — У тебя что, голова разбита?

— Пустяки, — вымученно улыбнулся тот и быстрым движением сорвал повязку, тут же спрятал комок в кулак. — Это мы просто... выходили мусор выбросить с Цзуй-гэ.

— Вообще-то ведро у нас под столом стоит, — Цзян Чу кивнул на угол журнального столика и выразительно посмотрел на Цинь Цзую.

Тот, впрочем, пускаться в объяснения не собирался и молча прошел мимо него в ванную, чтобы вымыть руки.

«Да у них тайн друг от друга больше, чем у тайных агентов», — подумал Цзян Чу.

Это молчание разжигало в нем жгучее любопытство, которое уже начинало откровенно злить, но расспрашивать напрямую было неудобно.

Весь остаток дня Цзян Чу ловил себя на глупом ощущении, будто это он с котом Чжоу Тэном напросился к кому-то в гости. Ребята не прятались по углам и не шушукались — они спокойно сидели перед телевизором в гостиной, ведя вполне обычную беседу и даже вежливо вовлекая Цзян Чу в разговор. Но между ними витала та неуловимая атмосфера давней близости, которая прочно отгораживала их от окружающего мира прозрачным, но непреодолимым барьером с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

К тому же, если говорить начистоту, Цзян Чу испытывал легкую ревность.

Да, самую банальную ревность.

Этот нелюдимый волчонок, который дома обычно изъяснялся исключительно короткими кивками и междометиями, сейчас болтал без умолку.

Пусть в основном вещал и смеялся Сяоцзя, а Цинь Цзуй лишь изредка подавал реплики, но за эти пару часов он произнес больше слов, чем за всё то время, что прожил под крышей Цзян Чу.

Становилось понятно, почему Сяоцзя обрывал телефон парня каждый день — ему действительно нужно было делиться каждой мелочью. Он мог увидеть на экране пробегающую курицу, весело ткнуть Цинь Цзуй локтем в бок, и тот, даже если ему было абсолютно неинтересно, послушно улыбался в ответ.

И откуда вдруг столько нежности?

Куда делся тот колючий, неприкосновенный и вечно хмурый Цзуй-гэ?

Наконец наступило время ужина. Цзян Чу отвел парней в небольшое кафе неподалеку от дома, а на обратном пути заглянул в супермаркет и купил для гостя зубную щетку.

Вернувшись в квартиру, он решил больше не мешать этой воркующей парочке. «Да пусть хоть трижды геем будет, мне-то что с того», — мысленно отмахнулся он от собственных подозрений.

Цзян Чу достал из шкафа запасную подушку и легкий плед, закинул их на кровать в комнате Цинь Цзуй и, велел Сяоцзя чувствовать себя как дома, скрылся в кабинете. Заперев за собой дверь, он запустил на компьютере игру.

В чате висела куча сообщений от Да Бэня и компании. Друзья наперебой хвастались кадрами с загородной поездки: вот они ловят фазанов в лесу, вот собирают дикие фрукты, а вот уже жарят шашлыки на углях.

Беззлобно обругав их в ответ, он заметил несколько сообщений от Чэнь Линьго. Девушка интересовалась, почему он уехал ни свет ни заря, спрашивала, всё ли у него в порядке, и просила беречь себя на дороге.

Будь на ее месте Бао Ли или любая другая хорошая знакомая, Цзян Чу непременно бы отшутился в своей манере: «Какое "ни свет ни заря"? Я уезжал в третьем часу дня, когда ты еще десятый сон видела!»

Но с Чэнь Линьго так шутить не стоило. Судя по ее настойчивому вниманию, он ей действительно нравился.

Цзян Чу и сам подумывал, не попробовать ли начать с ней встречаться. Чэнь Линьго была замечательной девушкой, и, возможно, со временем между ними могла бы вспыхнуть искра.

Мать при каждой встрече капала на мозги разговорами о женитьбе, да и возраст поджимал — пора бы уже остепениться.

Холостяцкая жизнь затянулась. Накануне Хуа Цзы, изрядно захмелев, даже заговорщицки шептал ему на ухо:

— Слушай, Чу, у тебя... там... проблем нет случайно? А то ты вечно один. То сходитесь, то разбегаетесь, ни с кем дольше пары месяцев не задерживаешься. Если что, у меня есть знакомый, он из Таиланда такие чудо-таблетки возит...

И всё же сердце не обманешь. Глядя на Чэнь Линьго, Цзян Чу понимал: внутри у него абсолютно ничего не отзывается.

Ни малейшего желания перевести их общение в романтическое русло.

Пожалуй, это прозвучит цинично и приземленно, но если взрослый здоровый мужик при взгляде на привлекательную девушку не испытывает даже намека на плотское влечение, то нечего и голову ей морочить.

Впрочем, отказывать прямо сейчас тоже не стоило.

Он покрутил телефон в руках и решил повременить с объяснениями. Зачем портить ей отдых? Человек веселится за городом, а он тут со своими вежливыми отказами — выйдет глупо и не к месту.

Телефон в его руке снова коротко завибрировал. На этот раз пришло сообщение от Лао Ду.

Лао Ду: «Сбрось WeChat своего малого»

Цзян Чу: «Мяомяо просит?»

Лао Ду: «Ага»

Цзян Чу: «Давай попозже спрошу его. Он сейчас занят, к нему друг приехал»

Лао Ду прислал в ответ дежурный смайлик «ОК».

Цзян Чу отложил телефон и лениво пощелкал мышкой. Раз уж Да Бэнь и Фан Цзы были заняты, катать в одиночку не хотелось.

Закрыв игру, он бесцельно пролистал несколько страниц в браузере, а потом со вздохом запустил рабочий графический редактор. Пока друзья развлекались и пили пиво за городом, ему оставалось только пахать.

О собственном бизнесе никто больше не позаботится, так что выходной у тебя или нет — разницы никакой.

С работой ведь как: главное — начать, а там уже затягивает с головой.

Сегодня дело шло на удивление легко. Цзян Чу под музыку просидел за монитором несколько часов подряд и очнулся лишь тогда, когда в дверь его кабинета негромко постучали. Задница к этому моменту уже окончательно затекла.

— Открыто, заходи, — бросил он, глянув на часы. Было уже четверть первого ночи, а за дверью давно стих гул телевизора.

Вошедший Цинь Цзуй окинул его взглядом:

— Всё работаешь?

— Да вот, закругляюсь уже, — Цзян Чу сохранил проект и закрыл ноутбук. — А твой гость где?

— Уложил спать, — коротко ответил Цинь Цзуй и вышел.

Умывшись, Цзян Чу зашел к себе в спальню и обнаружил, что подушка и плед, которые он заботливо отнес в комнату к Цинь Цзую, сиротливо лежат на его собственной постели.

«Это еще что такое?»

Он в недоумении замер.

Им что, одной кровати мало, решили в один спальник залезть?

Черт возьми, будь этот Сяоцзя девчонкой, он бы к утру ее точно обрюхатил!

Что за бред!

Воображение тут же услужливо подсуло ему весьма недвусмысленную картину с участием Цинь Цзуй и Лян Сяоцзя. Пока Цзян Чу, нахмурившись, буравил взглядом плед, позади него слышались шаги.

Он обернулся. Цинь Цзуй стоял в дверном проеме, легонько постукивая по косяку.

— Переночую сегодня у тебя? — негромко спросил он.

Цзян Чу почувствовал себя гиперопекающим родителем, у которого гора свалилась с плеч. Стоило услышать эту просьбу, как напряжение мгновенно улетучилось, а губы сами собой расплылись в улыбке, хотя разум еще даже не успел переварить услышанное.

— С чего бы это? — хмыкнул он, поддевая младшего. — Что, вчерашняя ночь так понравилась, что вошел во вкус?

Цинь Цзуй замер, пристально вглядываясь в его лицо.

Цзян Чу и сам прикусил язык, поняв, как двусмысленно прозвучала его шутка. Словно он тут услуги интимного характера предлагает.

Но главное — он наконец-то успокоился. Вся пошлятина, только что роившаяся у него в голове, мгновенно испарилась.

Что касается ночлега, то Цинь Цзуй ломал над этим голову с той самой минуты, как встретил Сяоцзя на вокзале.

Сяоцзя поначалу заикнулся про дешевую гостиницу, и Цинь Цзуй склонялся к тому же варианту.

Ему не хотелось лишний раз стеснять Цзян Чу.

Он прекрасно видел, как тот устает на работе. Цзян Чу наконец-то вырвался на выходные за город с друзьями, но из-за чужих проблем сорвался и примчался назад.

Мало кому понравится, когда тщательно спланированный отдых летит к чертям из-за чужих

капризов. По дороге на вокзал Цзян Чу не проронил ни слова и ничем не выказал недовольства, но Цинь Цзуй чувствовал себя виноватым.

На него навалилось глухое раздражение от того, что всё навалилось в одну кучу.

И злился он вовсе не на внезапный приезд друга и даже не на его упрямую, граничащую с одержимостью привязанность.

Они с Сяоцзя знали друг друга целую вечность, со средней школы. Отец частенько поколачивал этого тощего и строптивого мальчишку, и Цинь Цзуй на подсознательном уровне всегда относился к нему как к младшему брату, которого нужно опекать.

И даже когда Сяоцзя, прознав, что Цинь Цзуй не интересуют девушки, начал вести себя странно и отбиваться от рук, вызывая у того то досаду, то раздражение, Цинь Цзуй всё равно понимал, что без труда сможет удержать ситуацию под контролем.

Но вот с Цзян Чу всё было иначе.

По пути с турбазы Цинь Цзуй всю дорогу хмурился, прокручивая в голове одну и ту же мысль: вчера Цзян Чу невольно подслушал их разговор, а сегодня этот безумный Сяоцзя уже стоит у них на пороге.

Пусть Цзян Чу никак не выдавал своих мыслей, Цинь Цзуй отчетливо ощущал его подозрения.

Это сомнение было куда глубже и очевиднее того вчерашнего вопроса: «Кто ты вообще такой?».

Сомнение — это ведь не итог, это лишь зерно.

Стоит ему укорениться в душе, как любая случайность превратится в благодатную почву и полив. И крошечное семечко неизбежно прорастет, превращаясь в могучее дерево с глубокими, крепкими корнями.

Что именно он подозревает?

Неужели он догадался?

Собственные мысли Цинь Цзуй бились в голове, грозя прорвать плотину самоконтроля.

Если Цзян Чу действительно докопается до правды и поймет, что парня привлекают мужчины... не станет ли ему противно?

Смогут ли они по-прежнему легко и непринужденно общаться, как сейчас?

Эти вопросы неотступно преследовали его, пока они оформляли комнату для Сяоцзя в дешевом клоповнике.

Друг трясся в ночном поезде только ради того, чтобы увидеть его. Бросить его одного в чужом городе Цинь Цзуй просто не мог.

Но ощущение, что стоящий за спиной Цзян Чу внимательно наблюдает за ними и, возможно, уже подобрался к разгадке, завязывало внутренности Цинь Цзуй в тугой узел.

И когда Цзян Чу наотрез отказался оставлять гостя в этой ночлежке и безапелляционно велел выбирать между приличным отелем и поездкой домой, Цинь Цзуй, несмотря на нежелание стеснять брата, согласился поехать к нему.

Честно говоря, в глубине души он даже испытал облегчение.

Дома всё выглядело куда прозрачнее. Когда оба парня находились у Цзян Чу перед глазами, это уберегало от лишних подозрений и не давало повода думать, будто они скрывают какую-то порочную связь.

Вот только Цинь Цзуй не учел, что отношение Цзян Чу к нему по возвращении домой всё равно неумовимо изменится.

К примеру, Цзян Чу отдернул руку с бутылкой воды, хотя раньше они спокойно пили из одной посуды и не думали об этом.

Во время их общей беседы в гостиной Цзян Чу устроился в стороне на кресле, поддерживая разговор лишь дежурными, ничего не значащими фразами.

А после ужина и вовсе заперся у себя в кабинете, словно избегая их общества.

Весь вечер Сяоцзя без умолку рассказывал о своей учебе, старых друзьях, родителях и соседях. Цинь Цзуй кивал и отвечал невпопад, но его взгляд то и дело упрямо возвращался к закрытой двери кабинета.

Он не мог перестать думать о том, что происходит с Цзян Чу и о чем тот сейчас размышляет в одиночестве.

— Вы с Чу-гэ всегда так общаетесь? — Лян Сяоцзя зевнул, заметив, что время близится к полуночи, а хозяин квартиры так и не появился.

Цинь Цзуй на миг растерялся.

И правда: обычно, когда они оба были дома, всё происходило примерно так же. Они ужинали вместе, иногда смотрели телевизор, а потом разбредались по своим углам. И это никогда не казалось натянутым или странным.

— Угу, — он снова скользнул взглядом по двери кабинета. — Он много работает.

Сяоцзя проследил за его взглядом, понятливо кивнул и тихо спросил:

— Значит, мне лечь в твоей комнате?

Это был уже второй раз, когда Сяоцзя заводил разговор о спальне, и Цинь Цзуй прекрасно понимал скрытый подтекст.

Тот хотел знать, лягут ли они в одну постель.

Не случись того злополучного признания, Цинь Цзуй без задней мысли разделил бы с ним кровать — они ведь выросли вместе, делить им было нечего.

Но теперь всё изменилось.

— Ложись там, а я переберусь к Цзян Чу, — ровным тоном ответил Цинь Цзуй.

По-хорошему, ему стоило бы устроиться на диване в гостиной, но тогда его попытка отдалиться выглядела бы слишком демонстративно, и Цзян Чу точно заподозрил бы неладное.

Куда проще было лечь у Цзян Чу. Если тот спросит, всегда можно сказать, что Сяоцзя не привык делить постель с кем-то еще.

Услышав этот ответ, Сяоцзя даже не попытался скрыть горькое разочарование.

Цинь Цзуй подошел к кровати, чтобы постелить белье и вернуть на место забранные у Цзян Чу подушку и плед. Сяоцзя преградил ему путь в дверях и едва слышно прошептал:

— Я же не собираюсь приставать к тебе, Цзуй-гэ.

— Даже если бы захотел, у тебя бы ничего не вышло. Я тебя одним пальцем уложу, — усмехнулся Цинь Цзуй, скосив глаза на ладонь Сяоцзя, мертвой хваткой вцепившуюся в его предплечье.

Сяоцзя буравил его взглядом долгие секунды, после чего медленно разжал пальцы, но с дороги так и не ушел, продолжая стоять на пороге с надутым видом.

Цинь Цзуй мысленно выругался, тяжело вздохнул и, мягко потянув друга за руку в глубь комнаты, указал на край матраса:

— Сядь.

Тот послушно опустился на постель. Цинь Цзуй прикрыл за собой дверь и, прислонившись к косяку, спросил:

— Ты теперь всегда будешь делать мне наперекор?

Сяоцзя принялся ковырять пальцами край одеяла, упорно отмалчиваясь.

— Совсем перестал меня слушать? — ровным голосом продолжил Цинь Цзуй.

Сяоцзя, уткнувшись взглядом в пол, едва слышно выдавил сквозь зубы:

— Ничего я не перестал.

— Ничего? — переспросил Цинь Цзуй, опираясь поясницей о письменный стол. — Тогда как назвать этот твой цирк? Ты примчался сюда без предупреждения, и я даже слова тебе не сказал. Ты что, уже забыл, о чем мы вчера говорили по телефону?

— Или ты действительно хочешь, чтобы эта встреча стала нашей последней? — В его голосе зазвучали жесткие, холодные нотки, лицо сделалось абсолютно непроницаемым.

— Я... — Сяоцзя вскинул голову, его лицо исказилось от боли и обиды. — Да я и сам хочу всё это прекратить! Но я ничего не могу с собой поделать, понимаешь? Я просто хочу видеть тебя, разговаривать, быть рядом... Мне невыносимо тяжело оттого, что мы теперь не учимся вместе. Я пытаюсь выкинуть всю эту дурь из головы, но чувства... я просто не могу их контролировать!

Он действительно был бессилен перед собственным сердцем.

Голос Сяоцзя дрожал от слез. Ему казалось, что Цинь Цзуй совершенно не понимает, насколько ему больно.

В том глухом городишке, откуда они оба были родом, само слово «гей» казалось чем-то из области фантастики, диковинным и пугающим ярлыком.

Если бы у него был выбор, он никогда в жизни не пожелал бы стать «ненормальным» — чудовищем, которое тайно сохнет по собственному лучшему другу.

В комнате повисла тяжелая, давящая тишина. Высказав всё, что накопилось на душе, Сяоцзя снова сжался в комок и уткнулся взглядом в свои пальцы.

От мысли, что Цинь Цзуй теперь брезгует даже лечь с ним в одну постель, на душе становилось совсем паршиво.

Он украдкой взглянул на друга. Тот стоял неподвижно, погруженный в свои думы, лицо его оставалось каменной маской.

Спустя пару минут Цинь Цзуй тихо позвал его:

— Сяоцзя.

Уловив в его голосе мягкие нотки, парень с надеждой вскинул глаза.

Но Цинь Цзуй произнес всё тем же бесстрастным тоном:

— То, что ты ко мне чувствуешь, на самом деле вовсе не то, о чем ты думаешь.

— Ты просто привык ко мне. Привык, что мы всегда вместе, привык бежать ко мне, когда тебя бьет отец или когда тебе плохо, — Цинь Цзуй твердо посмотрел ему в глаза. — А когда ты случайно узнал о моей ориентации, то подсознательно примерил эту роль на себя.

— Это не так! — тут же вскинулся Сяоцзя.

За долгие годы дружбы он привык во всем соглашаться с Цинь Цзуюем и безоговорочно признавал его авторитет, но сейчас возразил без тени сомнения.

— Всё гораздо сложнее, Цинь Цзуй, — он впервые назвал его по имени, без привычного уважительного обращения. — Ты не можешь просто взять и перечеркнуть мои чувства только потому, что они тебе не нужны!

Цинь Цзуй спорить не стал. Он лишь слегка кивнул и, по-прежнему не сводя с него глаз, тихо спросил:

— И что дальше? Ты не собираешься жениться?

Сяоцзя опешил.

— Когда отец избил тебя в прошлый раз, ты плакал и говорил мне: «Когда я вырасту и заведу семью, я никогда не буду вести себя как он. Я никогда пальцем не трону жену и детей», — на губах Цинь Цзюя появилась едва заметная грустная улыбка. — Забыл уже?

Сяоцзя лишился дара речи.

Он действительно никогда не заглядывал так далеко. В той среде, где он рос, жизненный сценарий «учеба — работа — свадьба — дети» казался незыблемым законом природы, единственно возможным путем развития событий.

Да что говорить о себе — даже когда он узнал, что Цинь Цзую нравятся парни, ему и в голову не приходило задуматься, как тот планирует строить свою дальнейшую жизнь и собирается ли когда-нибудь обзаводиться семьей.

И только сейчас, после слов друга, до него внезапно дошло: «Подожди... Если Цинь Цзую действительно нравятся мужчины, значит, он никогда не женится на женщине?»

«А если я сам не женюсь... Да отец меня живьем в землю закопает!»

Пока Сяоцзя сидел в полной растерянности, переваривая услышанное, Цинь Цзуй оттолкнулся от стола и направился к выходу.

На пороге он обернулся и коротко щелкнул выключателем на стене:

— Свет выключается здесь.

Цинь Цзуй загодя сочинил с десятков правдоподобных объяснений своего внезапного переселения, но, когда он вошел в спальню брата, Цзян Чу даже не поинтересовался, почему тот сбежал от своего гостя.

— Давай ложиться, — Цзян Чу с заметно поднявшимся настроением поправил подушку, встряхнул легкий плед и жестом предложил гасить свет.

Цзян Чу всегда спал без футболки, поэтому прямо на ходу стянул ее через голову и бросил на стул.

Цинь Цзуй невольно скользнул взглядом по его крепкой, обнаженной спине, после чего молча протянул руку и щелкнул выключателем, погружая комнату во тьму.

Опустившись коленом на матрас, Цинь Цзуй забрался под одеяло. В темноте тихо шуршала простыня. Цзян Чу лежал рядом, лениво листая ленту в телефоне; тусклый свет экрана очерчивал его ровный профиль, прямой нос и чуть прищуренные глаза. В этот момент Цинь

Цзуй остро ощутил, что спать на диване в гостиной было бы куда более разумной идеей.

Пускай прошлую ночь они тоже провели на одной постели, спать на туристической базе и находиться здесь, в квартире Цзян Чу, на его личной кровати — это были совершенно разные вещи.

Это место являлось глубоко личным пространством Цзян Чу — ложем, где он каждую ночь засыпал и где, вероятно, предавался уединенным фантазиям.

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как воображение Цинь Цзуй понеслось вскачь. К нему вновь вернулось то вчерашнее лихорадочное беспокойство, когда разгоряченный Цзян Чу прижимался к нему со спины, постоянно ворочался и что-то бормотал.

Случайно задев локтем плечо брата, Цинь Цзуй поспешно перевернулся на другой бок, спиной к Цзян Чу, и отодвинулся ближе к краю.

Однако устроиться поудобнее он не успел — в задницу прилетел легкий пинок. Цзян Чу даже не подумал убрать ногу и, развернувшись вслед за ним на бок, негромко позвал:

— Слышь, чуть не забыл. Тут Ду Мяомяо хочет добавить тебя в WeChat. Лао Ду просил контакт скинуть, мне дать ему твой куар-код?

Они снова лежали слишком близко — точно так же, как вчера на турбазе, и эта привычная непринужденность начинала казаться опасной.

Цинь Цзуй в темноте поджал губы.

— Угу, — коротко отозвался он и, дотянувшись рукой назад, убрал чужую ногу со своего бедра.
— Убери конечности.

— Кое-что я заметил за тобой, Цзуй-гэ, — вкрадчиво произнес Цзян Чу, заметно понизив голос.

Цинь Цзуй промолчал, гадая, к чему тот клонит.

— С Лян Сяоцзя ты прямо соловей-разбойник, рта не закрываешь, — Цзян Чу цокнул языком.
— А передо мной вечно как немой партизан на допросе. Из тебя слова клещами не вытянешь.

Напряжение в груди Цинь Цзуй спало. Разжав внутреннюю пружину, он наконец расслабился.

Он слегка развернулся к нему лицом:

— Завидуешь?

— Ишь ты, стрелки переводит, — Цзян Чу заблокировал экран и отбросил телефон на тумбочку. Поскольку днем он проспал до двух часов, сон не шел ни в один глаз. Он приподнялся на локте и принял полусидячее положение, явно намереваясь устроить младшему серьезную выволочку.

— А ну-ка, повернись ко мне, — он ухватил Цинь Цзюя за плечо, заставляя лечь ровнее. — Как ты меня сегодня назвал своему приятелю, когда знакомил?

Цинь Цзуй нехотя подчинился. Ракурс оказался крайне неудачным: Цзян Чу навис над ним, и взгляд младшего уперся прямо в очертания его ключиц в полумраке, плавно поднимаясь к кадыку и соскальзывая ниже — к обнаженной груди.

Помедлив, Цинь Цзуй тоже слегка приподнялся на локтях и согнул одну ногу в колене.

— Цзян Чу, — ответил он.

— Ах, «Цзян Чу», значит, — старший оперся подбородком о ладонь. — А «брат» сказать язык отвалится?

Этот шутливый, покровительственный тон Цзян Чу заставил Цинь Цзюя невольно усмехнуться:

— И тебе от этого полегчает?

— Да иди ты. Не пытайся со мной острить, мелкий еще. Когда я вовсю клеил девчонок, ты под столом пешком ходил, — Цзян Чу тоже рассмеялся. — Просто назови меня братом. Это же лучше, чем делать вид, будто мы едва знакомы.

Вести подобные разговоры глухой ночью в одной постели было сомнительной затеей. Воображение Цинь Цзюя слишком легко дорисовывало лишние детали.

— Спи давай, — он убрал руку Цзян Чу со своего плеча и попытался снова отвернуться к стене. — Если соскучился по этому слову, запиши себя на диктофон и слушай.

Цзян Чу, будучи вполне взрослым и состоявшимся мужчиной, порой сам поражался тому, какими же ребячливыми бывают парни.

Стоило в шуточном споре наметиться легкой пикантности, как мужское самолюбие тут же требовало идти до победного конца. Отступить сейчас казалось равносильным позорному поражению.

— Мечтать не вредно. Сегодня ты без «брата» не уснешь, — Цзян Чу резко обхватил его за плечи и, рванув на себя, легко перемахнул через него, оседлав бедра Цинь Цзуя сверху.

Цинь Цзуй попытался было сбросить его с себя, но Цзян Чу ловко перехватил инициативу. Он мягко, но уверенно прижал ладонь к его шее, удерживая на месте, и навалился сверху, блокируя запястья младшего своими коленями.

— Говори: «брат», — хрипло приказал он, глядя на него сверху вниз.

Цинь Цзуй пристально посмотрел на него и нахмурился.

Он с самого детства умел за себя постоять и никогда не пасовал в драках, но стоило Цзян Чу начать в шутку возиться с ним, как Цинь Цзуй неизбежно оказывался побежденным.

— Слезь с меня, — процедил он, пытаясь плотнее прижаться поясницей к матрасу, чтобы Цзян Чу, не дай бог, не почувствовал его внезапно возникшее возбуждение.

Но Цзян Чу лишь сильнее уперся коленом в постель. Не убирая ладони с его шеи, он большим пальцем легонько коснулся кадыка Цинь Цзуя и мягко надавил пару раз.

Ему до безумия хотелось заставить этого упрямца сдаться и произнести заветное слово.

От этого прикосновения к горлу Цинь Цзуй резко зажмурился. Высвободив из-под чужого колена правую руку, он крепко сжал коленную чашечку Цзян Чу, сдерживая рвущийся наружу стон, и едва заметно сглотнул. Под большим пальцем старшего завибрировал напрягшийся кадык:

—...Брат.

Цзян Чу опешил.

<http://bllate.org/book/18398/1793138>